

DOI: [10.14515/monitoring.2023.5.2410](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2410)

М. Ю. Александрова

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА
ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ:
КЕЙС СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ**

Правильная ссылка на статью:

Александрова М. Ю. Возможности применения количественного анализа для оценки эффективности в социальной работе: кейс социальных технологий оказания социальной помощи семьям с детьми // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 26—49. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2410>.

For citation:

Aleksandrova M. Y. (2023) Possibilities of Using Quantitative Analysis to Evaluate Effectiveness in Social Work: The Case of Social Technologies for Providing Social Assistance to Families with Children. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 26–49. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2410>. (In Russ.)

Получено: 04.04.2023. Принято к публикации: 21.09.2023.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: КЕЙС СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С ДЕТЬМИ

АЛЕКСАНДРОВА Марина Юрьевна — преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>

Аннотация. Измерение эффективности социальной работы представляет собой актуальную прикладную задачу с учетом непрерывного роста интереса к оценке и разработке профессиональных стандартов и другим аспектам оказания социальных услуг. Исследования показывают, что, в зависимости от методов измерения и выбора эмпирического объекта, оценивание социальных услуг нередко дает большой разброс в получаемых результатах.

Цель статьи — попытаться объединить исследовательскую и практическую стороны оценки эффективности оказания социальных услуг с использованием количественных методов, что пока не получило широкого распространения в научной среде, но при этом активно внедряется в жизнь практиками и заинтересованными государственными структурами. На примере исследования по оценке эффективности технологии сопровождения случая как меры по профилактике социального

POSSIBILITIES OF USING QUANTITATIVE ANALYSIS TO EVALUATE EFFECTIVENESS IN SOCIAL WORK: THE CASE OF SOCIAL TECHNOLOGIES FOR PROVIDING SOCIAL ASSISTANCE TO FAMILIES WITH CHILDREN

Marina Yu. ALEKSANDROVA¹ — Lecturer at the Department of Sociological Research Methods, School of Sociology; Junior Researcher at the International Laboratory for Social Integration Research

E-MAIL: myaleksandrova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7683-7750>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Measuring the effectiveness of social work is a relevant applied task given the continuous growth of interest in the assessment and development of professional standards and other aspects of the provision of social services. Studies show that the evaluation of social services might sometimes produce significantly different results, depending on the methods of measurement and the choice of an empirical object as a source for evaluation.

The purpose of the article is to combine academic and practical aspects in evaluation of the effectiveness of the provision of social services using quantitative methods. This approach has not yet become common in social work research but is actively employed by practitioners and government agencies. Using the example of a study on evaluating the effectiveness of case management technology as a method of social orphanhood prevention, the author attempts to understand how the quality of social work practices can be assessed.

сиротства предпринимается попытка попытку осмыслить то, как может проводиться оценка эффективности социальной работы.

В статье описан процесс работы в соответствии с технологией сопровождения случая и методология сбора и анализа данных для оценки технологии, затем приведены результаты ее количественной оценки. В анализе подтвердилось наличие внутренней согласованности используемых шкал оценки состояния семей, а также была выявлена статистически значимая разница в динамике состояния семей на разных этапах работы. Проведенное исследование оценки эффективности технологии сопровождения случая может быть полезно для развития методологии и стандартизации оценки, повышения качества социальных услуг и расширения возможностей для их оказания.

Ключевые слова: социальная работа, профилактика социального сиротства, технология сопровождения случая, кризисная ситуация, семьи-благополучатели, оценка качества, внутренняя согласованность измерительных шкал

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант № 22-28-20490 «Семья на краю: пределы и возможности социально-технологической интервенции в профилактике социального сиротства»).

Введение

Социальная работа представляет собой сложную профессиональную деятельность, которая находится на стыке таких сфер, как медицина, социология, психология. Основная цель социальной работы — содействие социальной интеграции и солидарности в обществе [Lorenz, Shaw, 2017]. Оценка (эвалюация, аудит) соци-

The article describes the process of work in accordance with the case management technology and the methodology for collecting and analyzing data to evaluate the technology, then presents the results of its quantitative assessment. The analysis confirmed the internal consistency of the scales used to assess the state of families, and also revealed a statistically significant difference in the dynamics of the state of families at different stages of work. The conducted research on assessing the effectiveness of case management technology might be useful for developing methodology and standardizing assessment, improving the quality of social services and expanding opportunities for their provision.

Keywords: social work, prevention of social orphanhood, case management technology, crisis situation, welfare families, quality assessment, internal consistency of the measurement scales

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 22-28-20490 “Family on the edge: the limits and possibilities of socio-technological intervention in the prevention of social orphanhood”).

альных услуг представляет собой актуальную сенситивную тему и является предметом активных дискуссий среди исследователей. Измерение эффективности социальной работы — область растущего интереса и для практиков, и для исследователей [Lorenz et al., 2020; Evans, 2017], а развитие практико-ориентированных знаний в последнее время стало предметом исследований социальной работы [Choi, Pak, 2006; Nicolescu, 2008; Uggerhøj, 2011].

Концептуализация эффективности социальной работы является важной областью исследований, так как не только среди исследователей, но также и среди политиков и практиков [Šiška et al., 2021] продолжаются дискуссии о том, что представляют собой хорошие результаты социальной работы, каким образом их можно измерить и оценить.

Цель настоящей статьи — попытаться объединить исследовательскую и практическую стороны оценки эффективности оказания социальных услуг с использованием количественных методов, что пока не получило широкого распространения в научной среде, но при этом активно внедряется в жизнь практиками и заинтересованными государственными структурами. Исследование предусматривало оценку эффективности применения технологии профилактики семейного неблагополучия и социального сиротства в центрах помощи семье и детям.

Обращение к этой теме было обосновано несколькими причинами. Во-первых, она связана с практическим опытом авторов в применении исследовательского инструментария для оценки эффективности работы практиков именно в области профилактики социального сиротства. Во-вторых, проблема социального сиротства в России сохраняет свою актуальность как для отдельных индивидов (опыт сиротства может вести к серьезным психологическим последствиям для детей: они могут испытывать чувства одиночества, беспомощности, страдать от тревожности, депрессии, заниженной самооценки, иметь проблемы с социализацией и адаптацией к жизни в обществе [Крамчанинова 2018]), так и на уровне общества: создает дополнительную финансовую нагрузку на государство, дети-сироты нередко не имеют возможности в полной мере реализовать свой потенциал и способности, растет риск социальных проблем. Существующие подходы к работе с социальным сиротством, как правило, направлены либо на удовлетворение основных потребностей сирот и создание условий для их полноценного развития без родителей, либо на профилактику ситуаций, когда ребенок изымается из семьи, а родители лишаются права жить вместе с ребенком и воспитывать его [Barnett, 2000]. В 2021 г. число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России составляло, по разным оценкам, от 37¹ до 49² тыс. человек. При этом государственное обеспечение детей-сирот в детдомах, по подсчетам Благотворительного проекта «Теплый дом», обходится в два раза дороже, чем поддержка ребенка, который остается в семье³. Кроме того, в семье могут

¹ В России число детей-сирот в 2021 году уменьшилось на 6% // Регнум. 2021. 31 декабря. URL: <https://regnum.ru/news/society/3467620.html> (дата обращения: 20.10.2023).

² Меры социальной поддержки, предоставленные детям-сиротам, детям оставшимся без попечения родителей за счет средств консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации в 2021 году // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b22_103/Main.htm (дата обращения: 31.10.2023).

³ В 2 раза дешевле помочь оставить ребенка в семье, чем содержать в детдоме // Если быть точным. 2022. 6 июня. URL: <https://tochno.st/materials/deshvle-pomoch-ostavit-rebenka-v-seme-chem-soderzhat-v-detdome> (дата обращения: 01.09.2023).

быть более благоприятные условия для полноценного физического, эмоционального и психологического развития: сотрудники государственных учреждений могут обеспечивать полноценный уход за подопечными детьми, однако не всегда способны удовлетворять базовые потребности ребенка в любви, эмоциональной поддержке и близости. Поэтому именно профилактика социального сиротства становится актуальным направлением социальной работы с семьями, сталкивающимися с риском изъятия детей.

В данной статье мы рассматриваем основные исследовательские подходы к оценке эффективности социальной работы, а также приводим обзор исследований, в которых осуществлялись попытки проведения такой оценки в области социальной работы, фокусируясь на количественных методах оценивания. Далее мы описываем технологию «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка» («работа со случаем») ⁴ в области профилактики социального сиротства, по которой работали ГБУ ЦСПСид (Государственное бюджетное учреждение Центр социальной помощи семье и детям), принявшие участие в нашем исследовании. После мы описываем разработанную методологию количественной оценки эффективности технологии и представляем результаты анализа данных, что составляло часть всего реализованного нами исследования ⁵.

Научная новизна данного исследования заключается в следующем. Существует не так много исследований, посвященных количественному анализу эффективности социальной работы с использованием методов статистической проверки значимости результатов — количественный инструментарий чаще используется практиками, ведущими социальную работу, или государством, оценивающим качество проводимой социальной работы. Среди релевантных исследований можно упомянуть работу К. Юна с коллегами [Yoon, Park, Lee, 2020], однако этот труд имеет фокус на иных направлениях социальной работы, в то время как в области профилактики социального сиротства подобных изысканий не проводилось. Среди исследований на российских данных следует упомянуть статью К. Чагина, в которой проводилось количественное сравнение некоммерческих организаций с муниципальными учреждениями социального обслуживания по качеству и результативности услуг, тем не менее, этот анализ не включает в себя статистическую проверку результатов и решает скорее описательные задачи [Чагин, 2005]. Кроме того, мы предлагаем рассматривать применение количественных методов в оценке социальной работы не только как инструмент проверки успешности социальной работы, но и как источник для получения нового знания о скрытых в данных закономерностях, недоступных до проведения анализа. Мы предполагаем, что неожиданные открытия — это не преимущество качественных методов в сравнении с количественными [Ярская-Смирнова, Романов, 2005] в исследованиях социальной работы, а, скорее, в равной степени доступная возможность для обоих подходов.

⁴ Разработана Национальным фондом защиты детей от жестокого обращения в 2013 г. URL: <https://www.sirostvo.ru/> (дата обращения 01.09.2023).

⁵ Результаты анализа проведенных нами интервью со специалистами, работающими по рассматриваемой технологии, в данной статье не рассматриваются, но будут представлены в дальнейших публикациях как самостоятельный сюжет проведенного исследования [Ярская-Смирнова, 2023].

Оценка эффективности социальной работы: подходы к операционализации и методологии

Исследователи подчеркивают, что оценка социальной работы необходима [Blom, Morén, 2012]. Интерес к оценке, подотчетности и другим профессиональным аспектам для сферы оказания социальных услуг сделал измерение эффективности социальной работы крайне актуальной темой. Этот интерес исходит как со стороны общества, так и со стороны государства, причем для последних очевидна важность установления измеримых профессиональных стандартов для спектра оказываемых социальных услуг, по которым можно было бы оценивать эффективность работы практиков [Adams, 1998; Munro, 2004]. Уточним, что со стороны государства данный интерес выражается скорее в осуществлении контроля качества оказываемых услуг, обеспечении приемлемого уровня, получении понятных инструментов, позволяющих измерять эффективность, создавать отчетность по проводимым измерениям, определять наиболее эффективные практики или организации, поощрять их и, наоборот, регулировать те практики, которые отклоняются от существующего стандарта и ограничивать их распространение.

Оценка эффективности предполагает определение самого понятия. Российские исследователи определяют эффективность социальной работы как успешность и отмечают, что критерии успешности могут различаться в зависимости от заинтересованных лиц, которые проводят оценку, их целей и планируемого использования полученных результатов. В социальной сфере оценивать успешность можно в виде достижения запланированных результатов и разбора причин неудач, в случае возникновения таковых [Ярская-Смирнова, Романов, 2005; Алексеева и др., 1997]. Хотя, стоит отметить, что для этого необходима налаженная система мониторинга, оценки и представления результатов своей работы [Боровых, Грешнова, 2001].

Зарубежные исследователи отмечают, что во многих контекстах поиск критериев качества социальных услуг стал связан с ориентацией на «практику, основанную на доказательствах», инициатором которой стала медицина [Lorenz et al., 2020: 2]. В социальной работе ориентация на доказательства была обусловлена заботой о профессионализации и институционализации этой сферы по образцу и подобию наукоемких профессий [Gambrell, 2006; Thyer, 2015]. Дискуссия привела к целому ряду сложных подходов, с разным пониманием того, что считается свидетельством эффективности социальной работы в конкретных условиях [Gray, Plath, Webb, 2009; Mullen, 2014; Ziegler, 2019]. Оценка эффективности социальных услуг, считают Б. Блом и С. Морен, должна учитывать как то, что происходит внутри агентства или организации, так и влияние услуг на жизненную ситуацию клиента. Однако заинтересованные в качестве социальных услуг стороны на самом деле более многочисленны: это, помимо клиентов, политики, а внутри организации — руководство, административные и социальные работники [Blom, Morén, 2012: 73]. Например, У. Лоренц показывает, насколько различается восприятие оценки качества социальной работы менеджерами, социальными работниками и самими клиентами. Для менеджеров важно, чтобы рабочий процесс следовал четкому и прозрачному графику, чтобы соблюдались установленные правила. Качество, по их мнению, заключается в наличии согласованных методик ра-

боты, стандартов для оценки и рационального способа действий. Специалисты-практики предлагают «мягкие» индикаторы для оценивания социальной работы: сотрудничество в командах или гибкость, которая позволяет персонализировать социальную интервенцию [Lorenz et al., 2020]. Растущее внимание к экономии и эффективности [Beresford, Croft, 2004: 58] заставляет социальных работников стандартизировать и количественно оценивать свою работу [Lorenz et al., 2020]. Российские исследователи также обращают внимание на то, что в рамках социальной политики и социальной работы оценка может быть направлена на определение степени ее успешности [Алексеева и др., 1997]. В. Луков предполагает, что оценивание направлено на то, чтобы определять, насколько социальная программа или деятельность организации соответствует потребностям и ожиданиям людей, которые выступают в качестве получателей социальных услуг. Цель социальной экспертизы заключается в проверке, насколько деятельность государственных органов и других социальных институтов соответствует интересам граждан, целям социальной политики, а также в разработке предложений по достижению этого соответствия [Луков, 2003]. Б. Блом и С. Морен указывают на то, что результаты социальной работы, которые могут быть оценены, выражаются в разных формах: в формальных показателях, в виде поведенческих результатов на уровне клиента, глубинных индивидуальных изменений установок клиента. Существует и временное измерение, так как мы можем говорить о результатах как о процессе: оценка социальной работы не может быть однозначно проведена в определенный момент времени; так как процесс этой работы динамичен и изменчив [Blom, Morén, 2012: 77].

Исследователи предлагают разнообразные идеи по использованию методов оценки эффективности социальных услуг, а сама оценка имеет тенденцию к большому разбросу результатов в зависимости от выбираемых объектов, целей и методов измерения [Moullin, 2002; Blom, Morén, 2012; Yoon, Park, Lee, 2020]. Е. Ярская-Смирнова и П. Романов показывают, что для измерения эффективности, степени достижения целей социальных программ чаще всего применяют количественные методы. Например, системный анализ является довольно популярным подходом к оценке эффективности со стороны государства [Ярская-Смирнова, Романов, 2005]. В исследовании К. Чагина проводилось сравнение некоммерческих организаций с муниципальными учреждениями социального обслуживания по качеству и результативности услуг, которое основывалось на точке зрения клиентов организаций (например, доля довольных клиентов общественной организации была на 15% выше, чем у муниципального учреждения) [Чагин, 2005]. Предпринимались попытки и более сложного количественного оценивания эффективности социальной работы. Й. Когоут и соавторы предлагают использовать взвешивание при оценке качества оказания социальных услуг, так как разные элементы оценки обладают разным вкладом в итоговую эффективность воздействия для клиентов [Kohout et al., 2022]. Тем не менее остается не до конца ясным, какие именно веса назначать разным элементам оценивания, на основе каких критериев их рассчитывать. Применяется и статистический инструментарий для оценки количественных методов измерения качества оказания социальных услуг. Например, коэффициенты α Кронбаха и κ Коэна использовались для оценки внутренней

согласованности используемого инструментария; методы измерения валидности (содержательной, конструктивной, критериальной и других) [DeVellis, 2016]. В качестве альтернативы коэффициенту α Кронбаха может использоваться метод главных компонент и факторный анализ [Yoon, Park, Lee, 2020].

Исследователи предлагают использовать более сложный и гибкий инструментарий для оценки разных практик социальной работы в различных ситуациях [Fargion, Nagy, Berger, 2019]. В исследовании качества предоставления социальных услуг в Южном Тироле в Италии с точки зрения основных заинтересованных сторон комбинировались качественные и количественные методы [Lorenz et al., 2020]. Аналогичным образом Е. Ярская-Смирнова и П. Романов предлагают обращать внимание на разные стратегии использования качественных методов для получения нового знания в области оценки эффективности социальной работы [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

Существуют практики на государственном уровне, направленные на оценку качества оказания услуг социальной сферы. Например, в США действует требование к штатам измерять влияние и качество услуг, которые они предоставляют людям с ограниченными возможностями здоровья, и без этого невозможно получить финансовую поддержку для реализации таких услуг [Yoon, Park, Lee, 2020]. В некоторых странах — например, в Великобритании и Корею, — количественная оценка качества социальных услуг осуществляется с привлечением частных коммерческих учреждений. Тем не менее сильной национальной системы количественной оценки качества может быть недостаточно, поэтому необходимы систематические показатели, с помощью которых может проводиться оценка социальной работы. Несмотря на то, что количественная оценка качества социальных услуг привлекает интерес государства и постепенно подпадает под государственное регулирование, существует предел возможностей количественной оценки с одной стороны, а с другой — сохраняется потребность в ее улучшении. Таким образом, появляются требования к улучшению, чтобы количественная оценка качества социальных услуг становилась более применимой на практике [Yoon, Park, Lee, 2020].

В данной статье мы рассматриваем понятие эффективности социальной работы в соответствии с принятой российской практикой, где эффективность включает в себя и оценку качества социальной работы. Тем не менее обратим внимание, что мы сосредотачиваемся только на измерении оценки эффективности социальной работы с точки зрения ее результативности в качестве достижения необходимого результата (для организаций это — наличие положительной динамики оценки состояния сопровождаемых семей)⁶. В эмпирической части нашего исследования мы сосредоточились на анализе и статистической проверке наличия динамики в этих показателях. Для этого мы использовали коэффициент α Кронбаха, как это было проведено в исследовании [Yoon, Park, Lee, 2020], но измерение состояния семей мы проводили с помощью других способов статистической проверки, которые не использовались в цитируемой статье (далее будет описано подробнее в параграфе, посвященном особенностям процесса подготовки данных). В данной статье описываются результаты только количественной части

⁶ Подробнее о других результатах исследования (о восприятии и оценке работы технологии в представлении кураторов и супервизоров) можно прочитать в [Ярская-Смирнова и др., 2023].

исследования, которое, однако, включало в себя также качественную методологию, комбинируя в себе количественную и качественную стратегию [Ярская-Смирнова и др., 2023]. Количественная часть всего исследования сосредоточена на оценке того, как технология служит поставленной цели — выходу из кризисной ситуации.

Описание исследуемой технологии сопровождения случая

Сопровождение случая в социальной работе, социальная работа со случаем (case work) представляет собой метод профессионального взаимодействия с семьями, находящимися в кризисной ситуации. Роль и деятельность социальных работников в рамках развития социальной политики изменяется в сторону применения моделей case management⁷ или care management⁸, аналогичных британской и американской системам социального обслуживания [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

В данной статье описываются результаты исследования работы организаций по технологии «Организация работы междисциплинарной команды специалистов со случаем нарушения прав и законных интересов ребенка» («работа со случаем»)⁹. Данная технология направлена на помощь семье в возвращении или развитии способности справляться с трудными жизненными ситуациями самостоятельно, а также обеспечить стабильное удовлетворение основных потребностей ребенка в соответствии с его возрастом и особенностями. Основная цель технологии работы со случаем — снижение риска возникновения или повторения случаев жестокого обращения с ребенком внутри его семьи.

При применении технологии работы со случаем последовательно реализуются следующие этапы. Все начинается с *приема информации*: факты о возможном нарушении прав ребенка могут стать известны различным лицам и дойти до специалистов-кураторов из организаций, занимающихся работой с семьей и детьми. Далее наступает этап *оценки риска жестокого обращения с ребенком в семье*. Когда кураторы начинают взаимодействовать с семьей на ранней стадии кризиса, и ситуация семейного неблагополучия еще не так очевидна, особенно важно определить причины обнаруженного жестокого обращения с ребенком и оценить возможность его повторения в будущем. Одним из используемых инструментов является шкала оценки безопасности и оценки риска жестокого обращения с ребенком (ОБИОР). Именно на данном этапе необходимо оценить, насколько безопасно оставлять ребенка в семье, существует ли прямая угроза его жизни и здоровью. *Признание ребенка нуждающимся в государственной защите* осуществляется только после тщательной оценки риска жестокого обращения. Степень и экстренность потребности в защите оценивается по трем уровням риска: высокий, средний и низкий. Участие родителей является обязательным при

⁷ Планирование и координация спектра услуг, предназначенных для повышения качества жизни и обеспечивающих потребителя необходимыми услугами наиболее эффективным, действенным и рентабельным способом [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

⁸ Планирование и координация услуг, предназначенных для ухода за потребителем, с целью повышения качества его жизни наиболее эффективным, действенным и рентабельным способом [Ярская-Смирнова, Романов, 2005].

⁹ Разработана Национальным фондом защиты детей от жесткого обращения в 2013 г. URL: <https://www.sirotstvo.ru/> (дата обращения 01.09.2023).

обсуждении и принятии решения о наличии и степени риска, собирается подтверждающая информация, родителям разъясняется, почему происходит вмешательство в жизнь их семьи, а кураторы определяют необходимые направления работы и мониторинга для семьи. Если подтверждается наличие риска жестокого обращения с ребенком, орган опеки и попечительства рассматривает ребенка как нуждающегося в государственной защите и вмешательстве государства, происходит *открытие случая*. Куратор случая (специалист по работе с семьей и детьми, который прошел специальный курс обучения) проводит подробную диагностику семейной ситуации, используя набор инструментов, включающих генограмму¹⁰, экокарту¹¹, и две шкалы: комплексную оценку семейной ситуации (КОСС) и оценку психосоциальных факторов, связанных с жестоким обращением с ребенком (ОПФЖО). Эти четыре формы позволяют специалистам получить информацию о истории жизни членов семьи, особенностях социального окружения, его влиянии на семью, личностных особенностях родителей, которые могут негативно сказываться на благополучии ребенка. Куратор *разрабатывает план реабилитации семьи и/или ребенка* на основе всей собранной информации о семье. Далее план *утверждается* консилиумом специалистов социальной службы (как правило, Центром помощи семье и детям). Куратор выполняет широкий круг задач в процессе работы со случаем: он анализирует основную проблему, являющуюся причиной открытия данного случая, идентифицирует причины ее возникновения, определяет цели и задачи реабилитации, разрабатывает набор действий, необходимых для достижения поставленных целей и задач, установив сроки их выполнения, проводит *мониторинг* в процессе своей работы (мониторинг осуществляется по трем шкалам — ОБИОР, КОСС и ОПФЖО), устанавливает контакт и строит доверительные отношения с семьей. Во время *выполнения плана реабилитации семьи и/или ребенка*, куратор играет роль координатора работ, выполняя функции помощи семье в определении необходимых услуг и ресурсов, которые могут помочь достичь поставленных в плане целей; информирования исполнителей указанных услуг о семейной ситуации и целях работы; оказания содействия семье в получении доступа к нужным услугам (например, организация транспорта или времен-

¹⁰ Генограмма — граф, отображающий связи между членами семьи. В качестве узлов графа выступают члены семьи (те люди, которых считают таковыми родители). В генограмме обычно указываются бабушки и дедушки ребенка, супруги бабушек и дедушек, родители и их супруги или сожители, другие родственники (дядя, тети ребенка), братья и сестры ребенка. Указанные родителями члены семьи могут как взаимодействовать, так и не взаимодействовать с сопровождаемой семьей. На генограмме могут присутствовать умершие члены семьи. После того как все члены семьи зафиксированы на генограмме, между ними отрисовываются ребра графа — связи, описывающие отношения между всеми парами партнеров семьи (официально зарегистрированный брак, развод, повторно заключенный брак, связь без брака), а также характер отношений между всеми членами семьи (их набор фиксирован: это хорошие отношения, дистантные отношения, симбиотические отношения, эмоциональный разрыв, конфликтные отношения, амбивалентные отношения). Для каждого варианта связи между членами семьи используются разные типы линий (прямые, двойные, прерывистые и т.д.).

¹¹ Экокарта — граф, отображающий связи семьи с внешними социальными контактами. В качестве узлов графа выступают внешние социальные контакты семьи, их набор фиксирован: это медицинские учреждения, работа, родственники, церковь, досуг, друзья, школа, социальные службы и другие возможные социальные контакты. Каждый субъект социального контакта семьи представляет собой отдельный узел (например, медицинские учреждения — это один узел графа). Куратор фиксирует, как семья в целом оценивает характер взаимодействия с внешними социальными контактами (существенная помощь, помощь отсутствует, источник стресса, источник энергии, отсутствие взаимодействия). Для каждого варианта связи между членами семьи в экокарте, так же как и в генограмме, используются разные типы линий.

ный уход за ребенком в случаях, когда родители отсутствуют); осуществления контроля (действительно ли семья использует получаемые услуги, довольна ли ими). В ходе визитов в семью куратор предоставляет поддерживающие консультации, включающие обсуждение проблем и потребностей с членами семьи, активизацию их сильных сторон, выработку возможных решений и уточнение плана действий. При необходимости куратор выступает в качестве «адвоката» семьи, представляя ее интересы перед различными службами и учреждениями.

По завершении работы, куратор проводит завершающий мониторинг состояния семьи и ребенка, вносит корректировки в план реабилитации и принимает решение о продолжении работы с семьей и ее направлениях. *Решение о закрытии случая* принимается, когда достигнуты запланированные результаты, или когда нет перспективы дальнейшей работы по реабилитации. В последнем случае принимается решение о возможных административных мерах, предусмотренных законодательством. Можно резюмировать, что вся работа куратора направлена на то, чтобы помочь семье в выходе из кризисной ситуации, а также развить у нее навыки самостоятельного преодоления подобных ситуаций в будущем.

В процесс применения технологии сопровождения случая, помимо кураторов, включены супервизоры — эксперты с более широким опытом работы и специальной подготовкой, которые предоставляют методическую и социально-психологическую поддержку кураторам. Основные (базовые) формы супервизии для оказания профессиональной поддержки специалистам — это индивидуальная сессия, групповая сессия, методический семинар/тренинг. Для методического контроля качества супервизоры проводят технологические разборы ведения случая, рабочие совещания, для оценки образовательных потребностей специалиста используются индивидуальные сессии; методические семинары¹². Супервизоры выполняют две основные задачи — поддерживают кураторов (например, занимаются профилактикой выгорания), а также оказывают поддержку в развитии их навыков, повышении качества их работы с конкретными случаями. Благодаря тому, что супервизоры накапливают информацию о прогрессе различных случаев, взаимодействуют с несколькими кураторами одновременно, они способны координировать процесс разработки и реализации мероприятий, направленных на поддержание стабильности функционирования данной технологии.

Особенности процесса подготовки данных для оценки качества технологии профилактики социального сиротства

Наше исследование было проведено по квазиэкспериментальному плану (анализ на основе нескольких замеров состояния семей). Проведенный эмпирический анализ был нацелен на то, чтобы описать и оценить взаимосвязь технологии сопровождения случая и оценки состояния семей по шкалам комплексной оценки семейной ситуации (КОСС), оценки психосоциальных факторов, связанных с жестоким обращением с ребенком (ОПФЖО) и оценки безопасности и риска жестокого обращения с ребенком (ОБИОР), по которым осуществляется мони-

¹² Супервизорская (профессиональная) поддержка деятельности по защите прав ребенка. URL: <https://www.sirotstvo.ru/files/4389/6.pdf> (дата обращения: 01.09.2023)

торинг кураторами на протяжении всего периода сопровождения семьи (список индикаторов, который входит в каждую из шкал, можно увидеть в табл. 3—5 в параграфе «Основные результаты»). Чтобы достигнуть поставленной цели, нам было необходимо разработать и согласовать процесс подготовки данных мониторинга состояния семей кураторами. Далее на каждом этапе сбора данных мониторинга (в начале работы с семьями, спустя три месяца и спустя шесть месяцев работы) мы получали новые данные по семьям. На основе этих данных мы провели описательный анализ (частотные распределения, анализ мер средней тенденции и разброса), проверили сумматорные шкалы КОСС, ОПФЖО и ОБИОР на внутреннюю согласованность с помощью коэффициента α Кронбаха. Коэффициент α Кронбаха мы считали приемлемым тогда, когда он принимал значение не менее 0,6 [DeVellis, 2016]. Мы провели оценку изменения динамики состояния наблюдаемых семей на основе шкал КОСС, ОПФЖО и ОБИОР, чтобы наблюдать эффект от воздействия технологии сопровождения случая (проверка значимости изменений средних оценок состояния семей по шкалам была проведена с помощью t -критерия для парных выборок).

Сбор и анализ документов, содержащих оценки различных сторон жизни, проводился по семьям, которые на момент проведения исследования находились в работе у специалистов отделений ГБУ ЦСПСид (Государственное бюджетное учреждение Центр социальной помощи семье и детям). Процесс сбора документов проходил в несколько этапов, в соответствии с этапами проведения работы с семьями-благополучателями. Всего была собрана информация о динамике состояния 119 семей, с которыми велась работа по технологии сопровождения случая в шести организациях ГБУ ЦСПСид г. Москвы в течение периода с сентября 2021 г. по сентябрь 2022 г. В данных были представлены семьи всех трех степеней риска (на этапе оценки риска жестокого обращения были отнесены к группам высокого, среднего и низкого риска). Распределение семей по степени риска представлено в таблице 1.

Таблица 1. **Распределение семей по степени риска на основе первичной оценки риска жестокого обращения с ребенком в семье**

Уровень риска	ОБИОР	
	Частота	%
Низкий	48	40,3
Средний	34	28,6
Высокий	37	31,1
Всего	119	100,0

В данные были включены все семьи, которых в течение всего периода проведения исследования сопровождали кураторы, согласившиеся принять участие

в нашем исследовании. В исследование включались те центры, которые работали по единой технологии сопровождения случая с одинаковым инструментарием, расположенные в разных районах Москвы, которые дали согласие на участие в исследовании и предоставление информации о подопечных центра, и не прекращали свое участие в исследовании до окончания периода сбора данных.

Работа с собиравшимися документами по семьям проводилась по следующему плану. Во-первых, требовалось организовать процесс загрузки данных по семьям специалистами. Для них было подготовлено пространство для загрузки — система папок с инструкциями по загрузке, описание структуры папок, названия документов. Для сохранения анонимности были присвоены специальные коды организациям, специалистам и семьям, участвующим в исследовании.

После того, как данные по семьям были собраны, требовалась их подготовка к дальнейшему анализу. Заполненные формы по шкалам КОСС, ОПФЖО и ОБИОР требовали выбора единой единицы наблюдения. Шкалы ОПФЖО и ОБИОР заполняются по каждому из детей в отдельности в семье, в то время как КОСС — по семье в целом. Поэтому было решено выбрать в качестве единицы наблюдения семью, а не членов семьи, чтобы избежать влияния на результаты анализа числа детей и опекунов в каждой из семей. Для этого рассчитывались средние значения по каждому из элементов данных шкал.

Основные результаты

В процессе анализа собранных данных мы, во-первых, проверили сумматорные шкалы, используемые в технологии сопровождения случая, с помощью коэффициента α Кронбаха на внутреннюю согласованность, во-вторых, провели описательный анализ собираемых данных по данной технологии, на основе которого осуществили проверку статистической гипотезы о равенстве средних значений в зависимых выборках, чтобы судить о наличии или отсутствии значимых изменений в состоянии семей, участвующих в исследовании, на разных этапах работы с ними по технологии. Таким образом, данные представлены одной группой наблюдений, в которой присутствовало воздействие в виде используемой специалистами технологии сопровождения случая. Контрольная группа отсутствовала, из-за чего мы можем говорить о реализации квазиэкспериментального плана в данном исследовании — мы оценивали воздействие технологии в разные периоды времени на все включенные в исследование семьи.

Проверка внутренней согласованности шкал технологии сопровождения случая

При включении всех индикаторов по анализируемым шкалам самое высокое значение коэффициента α Кронбаха, равное 0,869, было получено для шкалы ОПФЖО. Ниже всего коэффициент α Кронбаха был получен для шкалы ОБИОР (0,753). Коэффициент α Кронбаха для шкалы КОСС составил 0,825 (см. табл. 2). Все полученные значения достаточно высокие, следовательно, можно утверждать, что анализируемые сумматорные шкалы обладают внутренней согласованностью между теми индикаторами, из которых они состоят.

Далее мы проверили, как может измениться внутренняя согласованность сумматорных шкал при удалении индикаторов, из которых они состоят (см. табл. 3—5).

Таблица 2. Статистика надежности сумматорных шкал КОСС, ОПФЖО и ОБИОР

Проверяемые шкалы	α Кронбаха	Количество индикаторов в шкале
КОСС	0,825	16
ОПФЖО	0,869	11
ОБИОР	0,753	14

В случае шкалы КОСС (табл. 3) сильнее всего коэффициент α Кронбаха может повыситься (до 0,840), если удалить первый индикатор (оценка положения ребенка: возможности у ребенка защитить себя). Кроме того, повышению коэффициента будет способствовать удаление третьего (до 0,837) и четырнадцатого индикатора (до 0,826). У данных индикаторов мы наблюдаем слабую корреляцию с сумматорной шкалой (0,122, 0,136 и 0,247). Низкая корреляция может объясняться тем, что данные индикаторы скорее связаны не столько с ситуацией в семье в целом, сколько с состоянием отдельных членов семьи. Кроме того, индикатор, связанный с оценкой возможности ребенка защитить себя, скорее всего, редко может быть оценен высоко в силу того, что в большей степени зависит от работы социальных служб, осведомленности детей о способах защиты своих прав, доверии ребенка социальным службам или другим учреждениям, чтобы он мог обратиться к ним (например, к врачам в медицинском учреждении, учителям в школе), чем от семейной ситуации. Что касается индикатора, связанного с наличием фактов жестокого обращения с родителями в их кровных семьях, то он, вероятно, менее тесно скоррелирован с остальными, так как проявляется в меньшей степени, чем, например, наличие жестокого обращения с родителями в их детстве — в процессе взросления у человека появляется больше возможностей защищать себя, самостоятельно прерывать с родными взаимодействие для того, чтобы не сталкиваться с повторением эпизодов жестокого обращения.

Рекомендовать удаление рассмотренных индикаторов из шкалы КОСС не обязательно — коэффициент α Кронбаха уже достаточно высокий, поэтому используемая шкала может быть оставлена как есть, без изменений. Мы полагаем, что индикатор, связанный с возможностью ребенка защитить себя, позволяет специалистам отделять семьи, в которых риск жестокого обращения с ребенком будет ниже. Не менее важна оценка индикатора наличия жестокого обращения с родителями в кровных семьях — данный факт также сообщает специалисту о степени независимости родителя, наличии дополнительных источников риска усугубления кризисной ситуации в семье.

В случае ОПФЖО коэффициент α Кронбаха может повыситься до 0,875 при удалении девятого индикатора, корреляция между данным индикатором и итоговой сумматорной шкалой равна 0,359, то есть, является достаточно слабой. Мы можем предположить, что состояние психического здоровья родителя не так тесно связано с остальными индикаторами шкалы ОПФЖО, так как проблемы с психическим здоровьем крайне разнообразны, и не все из них могут вести к повышению риска именно жестокого обращения с ребенком (например, тревожные расстройства, некоторые степени тяжести депрессии).

Таблица 3. Статистика индикаторов по отношению к сумматорной шкале КОСС

	Индикаторы	Скорректированная корреляция между переменной и сумматорной шкалой	α Кронбаха при исключении индикатора
1	Оценка положения ребенка: возможности у ребенка защитить себя	0,122	0,840
2	Оценка положения ребенка: физическое/ когнитивное/социальное развитие ребенка	0,437	0,815
3	Оценка положения ребенка: эмоциональная/поведенческая деятельность	0,136	0,837
4	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: социальные навыки	0,475	0,813
5	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: состояние физического здоровья родителей	0,539	0,810
6	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: состояние психического здоровья	0,502	0,810
7	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: наличие в семье домашнего насилия	0,467	0,813
8	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: употребление членами семьи психоактивных веществ	0,315	0,823
9	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: стрессоустойчивость	0,548	0,808
10	Проблемы родителей в удовлетворении потребностей ребенка в уходе и заботе: родительские навыки	0,479	0,815
11	Оценка семейной ситуации: роль семьи, взаимодействия и взаимоотношения	0,585	0,805
12	Оценка семейной ситуации: умение использовать ресурсы и вести домашнее хозяйство	0,523	0,809
13	Оценка семейной ситуации: сеть социальных контактов семьи	0,582	0,805
14	Жестокое обращение в истории семьи: наличие фактов жестокого обращения с родителями в их кровных семьях	0,247	0,826
15	Жестокое обращение в истории семьи: наличие фактов жестокого обращения с родителями в их детстве	0,621	0,803
16	Жестокое обращение в истории семьи: характер взаимодействия семьи с органами опеки и попечительства в прошлом	0,608	0,804

Таблица 4. Статистики индикаторов по отношению к итоговой шкале ОПФЖО

	Индикаторы	Скорректированная корреляция между переменной и сумматорной шкалой	α Кронбаха при исключении индикатора
1	Самооценка родителя	0,725	0,847
2	Способность поддерживать доверительные отношения с окружающими	0,637	0,853
3	Сформированность родительской позиции	0,668	0,851
4	Уровень родительской компетентности	0,683	0,850
5	Реалистичность ожиданий и требований родителя к ребенку. Характер эмоционального контакта с ребенком	0,693	0,850
6	Ролевая инверсия в родительско — детских отношениях	0,412	0,868
7	Отношение родителя к применению насилия в межличностном взаимодействии	0,526	0,861
8	Эмоционально-волевая регуляция поведения родителя	0,474	0,865
9	Состояние психического здоровья родителя	0,359	0,875
10	Наличие кризиса в семье, уровень стрессоустойчивости родителя	0,684	0,850
11	Наличие сети социальных (поддерживающих) контактов	0,450	0,866

В случае ОБИОР коэффициент α Кронбаха повысится, если удалить первый (возраст ребенка; до 0,764) или второй индикатор (особенности развития и личности ребенка; до 0,765). У данных индикаторов наблюдается слабая корреляция с сумматорной шкалой (0,170 и 0,127). Вероятно, данные индикаторы отражают в большей степени характеристики самого ребенка, которые меньше связаны с зафиксированными результатами жестокого обращения (индикаторы 3—7), чем характеристики самих родителей (индикаторы 8—14). Возраст ребенка, как и особенности развития и личности ребенка, являются вместе с тем важными индикаторами для специалиста, позволяющими оценивать степень риска жестокого обращения для ребенка: например, дети младшего возраста в большей степени зависят от родителей, им сложнее защитить себя, они более уязвимы для жестокого обращения. Поэтому рекомендовать удаление данных суждений из сумматорной шкалы не является обязательным — коэффициент α Кронбаха находится уже на приемлемом уровне (выше 0,6).

Таким образом, проведенный с помощью коэффициента α Кронбаха анализ позволяет нам говорить о приемлемой внутренней согласованности сумматорных шкал и об их содержательной валидности.

Таблица 5. Статистики индикаторов по отношению к итоговой шкале ОБИОР

	Индикаторы	Скорректированная корреляция между переменной и сумматорной шкалой	α Кронбаха при исключении индикатора
1	Возраст ребенка	0,170	0,764
2	Особенности развития и личности ребенка	0,127	0,765
3	Особенность травм: локализация травмы	0,458	0,737
4	Особенность травм: тип травмы	0,268	0,747
5	Особенность травм: частота нанесения травмы	0,261	0,748
6	Особенности поведения родителей, говорящие о возможности жестокого обращения	0,532	0,720
7	Роль эмоционального вреда	0,531	0,720
8	Индивидуальные особенности родителей: готовность родителей признать случай жестокого обращения с ребенком	0,611	0,713
9	Индивидуальные особенности родителей: заболевания, влияющие на поведение родителей	0,295	0,746
10	Индивидуальные особенности родителей: родительские навыки воспитания	0,278	0,747
11	Свобода доступа виновника насилия к ребенку	0,600	0,711
12	Бытовые условия и окружение	0,222	0,753
13	Предыдущие сообщения или случаи жестокого обращения	0,366	0,739
14	Восприимчивость к кризисам	0,512	0,722

Анализ изменений состояния испытуемых семей в динамике

Для того, чтобы проверить, изменялась ли оценка состояния семей на протяжении их сопровождения кураторами, мы проверили, есть ли статистически значимая разница в средних значениях по каждой из сумматорной шкал в трех парах: между состоянием семьи в начале работы и через три месяца работы, через три месяца и через шесть месяцев работы, и в начале работы и через шесть месяцев работы. Результаты анализа приведены в таблице 6. На основе проверки значимости гипотезы о равенстве средних значений с помощью t критерия для парных выборок на основе значений p -value, а также значений средних оценок состояния семей по шкалам КОСС, ОПФЖО, ОБИОР, мы можем утверждать следующее.

Средний уровень шкалы КОСС 3 статистически значимо ниже, чем КОСС 1 (6,65 и 8,34 соответственно) и КОСС 2 (6,36 и 8,20 соответственно) на уровне доверия 0,95. При сравнении КОСС 1 и КОСС 2 статистически значимой разницы не было обнаружено, хотя выборочные средние различаются (8,14 и 7,68). Можно предположить, что основные изменения в семье начинают происходить в среднем только с третьего месяца работы куратора с семьей. Возможно, это связано с тем, что за первые три месяца куратору удается в основном только наладить контакт с сопровождаемой семьей, преодолеть сопротивление со стороны семьи, что позволяет в последующие месяцы более продуктивно взаимодействовать в условиях сформировавшихся доверительных отношений. Можно предположить также, что возможное отсутствие положительной динамики в некоторых семьях может объясняться неуспехом в выстраивании отношений куратора с семьей в первые месяцы работы.

Средний уровень ОПФЖО 3 статистически значимо ниже, чем ОПФЖО 1 (5,08 и 6,79 соответственно) и ОПФЖО 2 (5,00 и 6,29). Среднее значение ОПФЖО 2 также значимо ниже, чем ОПФЖО 1 (5,72 и 6,57 соответственно). Можно утверждать, что оценка по шкале ОПФЖО начинает снижаться с самого начала работы куратора с семьей, в отличие от КОСС. Можно предположить, что данная разница объясняется спецификой работы кураторов в рамках технологии сопровождения случая — вся их работа по технологии направлена в первую очередь на снижение риска жестокого обращения с ребенком, обеспечение того, чтобы минимальные потребности ребенка удовлетворялись в семье в полной мере. Тем временем какие-то проблемы в семье, которые могут способствовать попаданию в кризисную ситуацию, но не оцениваются куратором как требующие решения в связи с отсутствием явной связи с положением ребенка, могут сохраняться (например, родитель испытывает постоянный стресс в связи с работой, который он приучается не переносить на ребенка, однако это не помогает справляться с самим стрессом).

Средний уровень ОБИОР 3 статистически значимо ниже, чем ОБИОР 1 (5,34 и 7,23 соответственно), то есть, оценка риска жестокого обращения в среднем снижается в процессе работы по технологии сопровождения случая. При этом снижение более заметно в первые три месяца работы: среднее ОБИОР 2 значимо ниже, чем ОБИОР 1 (6,58 и 7,48), в то время как среднее ОБИОР 3 ниже, чем ОБИОР 2 (5,71 и 6,59), но эта разница статистически не значима. Этот результат в целом соотносится с тем, что в анализируемых семьях наблюдалось значимое снижение оценки факторов жестокого обращения (ОПФЖО), однако мы можем наблюдать, что оценка меняется слабее после трех месяцев работы куратора с семьей.

Таким образом, мы можем утверждать, что по анализируемым сумматорным шкалам наблюдается статистически значимое улучшение оценки ситуации в среднем в семьях, включенных в исследование. При этом существуют значимые различия в том, как меняются средние оценки на протяжении работы кураторов по разным шкалам: оценка КОСС значимо сильнее меняется только через три месяца работы с семьей, оценка ОПФЖО стабильно снижается на протяжении всего периода работы, а оценка риска жестокого обращения (ОБИОР) сильнее меняется в первые три месяца работы с семьей, после чего изменения становятся незначительными или вовсе отсутствуют.

Таблица 6. Проверка равенства средних значений оценок состояния семей, находящихся в кризисной ситуации, с помощью критерия t для парных выборок

Пары сравниваемых средних значений по шкалам	Сравниваемые шкалы*	Среднее значение оценок состояния семей по шкалам КОСС, ОПФЖО, ОБИОР**	Число наблюдений в выборке***	Средняя разность между средними значениями в паре	Проверка значимости****
Пара 1	КОСС 1	8,14	72	0,46	0,27
	КОСС 2	7,68	72		
Пара 2	КОСС 1	8,34	41	1,70	0,00
	КОСС 3	6,65	41		
Пара 3	КОСС 2	8,20	38	1,85	0,00
	КОСС 3	6,36	38		
Пара 1	ОПФЖО 1	6,57	69	0,85	0,01
	ОПФЖО 2	5,72	69		
Пара 2	ОПФЖО 1	6,79	43	1,71	0,00
	ОПФЖО 3	5,08	43		
Пара 3	ОПФЖО 2	6,29	39	1,29	0,01
	ОПФЖО 3	5,00	39		
Пара 1	ОБИОР 1	7,48	66	0,89	0,01
	ОБИОР 2	6,58	66		
Пара 2	ОБИОР 1	7,23	48	1,89	0,00
	ОБИОР 3	5,34	48		
Пара 3	ОБИОР 2	6,59	35	0,88	0,12
	ОБИОР 3	5,71	35		

* Цифра обозначает этап работы с семьей, на котором производилась оценка состояния: 1 — начало работы с семьей, 2 — середина работы (через три месяца после начала работы), 3 — завершение работы (через шесть месяцев после начала работы).

** Суммарные шкалы комплексной оценки семейной ситуации (КОСС), оценки психосоциальных факторов, связанных с жестоким обращением с ребенком (ОПФЖО), и оценки безопасности и оценки риска жестокого обращения с ребенком (ОБИОР).

*** Количество семей, по которым имеются данные по соответствующей шкале и за соответствующий этап работы.

**** В столбце указаны значения p -value, с помощью которых проверялось наличие или отсутствие оснований принять или отвергнуть статистическую гипотезу H_0 об отсутствии связи (о равенстве средних значений в соответствующей сравниваемой паре).

На уровне отдельных организаций нами статистическая проверка не проводилась, так как количество доступных для анализа наблюдений в данном исследовании не позволило бы получить статистически достоверные результаты. Тем не менее описательный анализ был проведен, и позволил увидеть, что вне зависимости от организации, динамика является скорее положительной. Сами организации различались по средним и медианным оценкам ситуаций в семьях, что может объясняться разным местоположением организаций, коллективом специалистов и их загруженностью. Несмотря на ограничения для статистической

проверки значимости изменения оценок состояния семей внутри организаций в динамике, данная информация является полезной в первую очередь для практиков и может способствовать налаживанию процессов мониторинга и аналитики. Полученные результаты могут служить также в качестве проверки эффективности технологии сопровождения случая, с целью дальнейшей подготовки отчетов по проводимой работе перед руководством или представителями государства, вовлеченных в социальную работу, ее оценку и принятие стратегических решений, а также для выдвижения исследовательских гипотез, проверка которых может способствовать развитию методологии стандартизованного оценивания и мониторинга состояния семей, проходящих по технологии сопровождения случая. Систематический мониторинг состояния семей позволил бы представлять ценную информацию об актуальном состоянии семей, возможности для оперативного реагирования на возникающие проблемы, или для выявления наиболее успешных практик для их фиксации, включения в работу и экстраполяции результатов.

Выводы

Исследования качества социальной работы служат основой для развития методологии и стандартизации оценки качества социальных услуг. Разработка критериев оценки позволяет повышать качество оказываемых социальных услуг и расширять возможности для их оказания [Yoon, Park, Lee, 2020]. Использование стандартизованных инструментов для мониторинга состояния семей в технологии сопровождения случая обладает практической полезностью и для специалистов, работающими с семьями, и для руководства, и в целом для развития области профилактики социального сиротства. Подобный мониторинг позволяет оперативно выявлять текущие проблемы в работе, например, неравномерное увеличение или уменьшение нагрузки в центрах профилактики. Коммуникация между супервизорами и кураторами позволяет выявлять необходимость дополнительного обучения сотрудников или проведения консультаций, справляться с профессиональным выгоранием. Стандартизованные формы для мониторинга состояния семей в технологии сопровождения случая дают новые знания о семьях, находящихся в кризисной ситуации. Подобные инструменты делают видимыми результаты труда, который вкладывают специалисты при работе с семьями, способствуют обмену опытом между центрами. Мы также полагаем, что уже на ранних этапах введения систематического мониторинга по стандартизованным формам на первоначальных малых объемах данных целесообразно обращать внимание не только на статистически значимые результаты, но и на то, что может представлять интерес для практиков, что может служить основой формулировки содержательных гипотез для дальнейшей проверки при увеличении объема имеющихся данных.

Использование коэффициента α Кронбаха позволило нам, во-первых, проверить используемые в рамках технологии сопровождения случая сумматорные шкалы на внутреннюю согласованность. Во-вторых, данная проверка полезна тем, что позволяет получать основанные на данных практические рекомендации по улучшению используемого инструментария: какие именно его элементы нуждаются в корректировке или удалении. Или он может быть оставлен без изменений, если коэффициент получается высоким (что и произошло в данном случае).

Поэтому мы не предлагаем в качестве рекомендации изменение используемых шкал (как, например, это было сделано на основе исследования [Yoon, Park, Lee, 2020], в котором были получены низкие значения α Кронбаха).

Статистическая проверка наличия динамики в оценках состояния семей кураторами по шкалам КОСС, ОПФЖО и ОБИОР показала наличие значимой положительной динамики в средних оценках, причем данная динамика различна на разных этапах работы с семьями для разных шкал — это может говорить о том, что изменение разных аспектов состояния семьи происходит неравномерно. Мы предполагаем, что изменение семейной ситуации в целом начинает происходить после формирования контакта куратора с семьей, преодоления сопротивления. Оценка психосоциальных факторов жестокого обращения постепенно снижается на протяжении всего периода работы, в то время как оценка риска жестокого обращения в первые три месяца работы с семьей меняется сильнее, чем в последующие месяцы, когда положительная динамика сохраняется, но не является статистически значимой.

Проведенное исследование (включающее и качественные интервью с кураторами и супервизорами) показало явную заинтересованность практиков в том, чтобы влиять на формирование стандартов и правил социальной работы. Руководители-практики, знакомясь с результатами проведенного исследования, ищут пробелы, незакрытые лакуны в работе технологии, чтобы ее менять и совершенствовать. Данный результат несколько противоречит выводам некоторых других исследований: отмечалось, что практики не представляются активными участниками в формировании правил и стандартов, хотя это непосредственным образом влияет на их работу [Lorenz et al., 2020].

Отметим ограничения исследования. Во-первых, исследователи не имели прямого доступа к семьям, получая данные только из документов, которые предоставляли кураторы. Во-вторых, ограниченность по времени, доступ в небольшое количество центров, работающих по рассмотренной технологии, привело к тому, что число семей, которые участвовали в анализе, было недостаточным, чтобы проводить статистический анализ для сравнения центров между собой. Дальнейшие исследования могут быть реализованы в нескольких направлениях. Представляется перспективным изучение методов работы с родителями, факторов жестокого обращения, которые связаны с характеристиками родителей, и оценка эффективности такой работы. Кроме того, возможно проведение сравнительного анализа разных реализаций технологии сопровождения случая, а именно анализа различий в используемых шкалах для оценки и мониторинга состояния семей.

Список литературы (References)

Алексеева О., Алексеева Е., Бодунген А., Гашпар М. Слагаемые успеха некоммерческих организаций. М.: Charities Aid Foundation, 1997.

Alekseeva O., Alekseeva E., Bodungen A., Gašpar M. (1997) Components of Success of Non-Profit Organizations. Moscow: Charities Aid Foundation. (In Russ.)

Боровых А., Грешнова Е. Исследование эффективности проектов и программ благотворительных организаций // Благотворительность в России: Социальные и ис-

торические исследования / под ред. О. Л. Лейкинда. СПб.: Лики России, 2001. С. 322—330.

Borovykh A., Greshnova E. (2001) Study of the Effectiveness of Projects and Programs of Charitable Organizations. In: Leikind O. L. (ed.) *Charity in Russia: Social and Historical Studies*. St. Petersburg: Faces of Russia. P. 322—330. (In Russ.)

Крамчанинова Н. В. Основные риски социализации сирот // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2018. № 12. С. 44—50. URL: https://drive.google.com/file/d/1V4hJmQ6f1khLrk_SzgiAZwIWuJyui_XW/view?pli=1 (дата обращения: 27.10.2023).
Kramchaninova N. V. (2018) Main Risks of Socialization of Orphans. *Family and Personality: Problems of Interaction*. No. 12. P. 44—50. URL: https://drive.google.com/file/d/1V4hJmQ6f1khLrk_SzgiAZwIWuJyui_XW/view?pli=1 (accessed: 27.10.2023). (In Russ.)

Луков В. А. Социальное проектирование. М.: Издательство Московской гуманитарно-социальной академии; Флинта, 2003
Lukov V. A. (2003) *Social Design*. Moscow: Publishing House of Moscow Humanitarian and Social Academy; Flinta. (In Russ.)

Чагин К. Г. Новые технологии управления в сфере социальной помощи и социального обслуживания населения // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 4. С. 465—478. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3732> (дата обращения: 27.10.2023).

Chagin K. G. (2005) New Technologies of Administration in Area of Social Assistance and Social Services for the Population. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 3. No. 4. P. 465—478. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3732> (accessed: 27.10.2023). (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 4. С. 497—522. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3734> (дата обращения: 27.10.2023).

Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. (2005) New Ideology and Practice of Social Services: Evaluation in the Context of Social Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 3. No. 4. P. 497—522. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3734> (accessed: 27.10.2023). (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Рождественская Е. Ю., Абрамов Р. Н., Борзов С. П., Александрова М. Ю. Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 3—25.

Yarskaya-Smirnova E. R., Rozhdestvenskaya E. Yu., Abramov R. N., Borzov S. P., Aleksandrova M. Yu. (2023) Social Technology for Providing Social Assistance to Families with Children: Implementation Experience and Evaluation of Effectiveness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3—25.

Adams R. (1998) *Quality Social Work*. Basingstoke: Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-13733-6>.

Barnett W. S. (2000) Economics of Early Childhood Intervention. In: Shonkoff J. P., Meisels S. J. (eds.) *Handbook of Early Childhood Intervention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Beresford P., Croft S. (2004) Service Users and Practitioners Reunited: The Key Component for Social Work Reform. *British Journal of Social Work*. Vol. 34. No. 1. P. 53—68. <http://dx.doi.org/10.1093/bjsw/bch005>.

Blom B.; Morén S. (2012) Evaluation of Quality in Social-Work Practice. *Nordic Journal of Social Research*. Vol. 3. No. 1. P. 71—87. <https://doi.org/10.7577/njsr.2062>.

Choi B. C.K., Pak A. W.P. (2006) Multidisciplinarity, Interdisciplinarity and Transdisciplinarity in Health Research, Services, Education, and Policy: Definitions, Objectives, and Evidence of Effectiveness. *Clinical and Investigative Medicine*. Vol. 29. No. 6. P. 351—364. <https://doi.org/10.25011/cim.v30i6.2950>.

DeVellis R.F. (2016) *Scale Development: Theory and Applications*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Evans S. (2017) The Social Worker as Transdisciplinary Professional: A Reflective Account. *Australian Social Work*. Vol. 70. No. 4. P. 1—8. <https://doi.org/10.1080/0312407X.2016.1265997>.

Fargion S., Nagy A., Berger E. (2019) Access to Social Services as a Rite of Integration: Power, Rights, and Identity. *Social Policy and Administration*. Vol. 53. No. 5. P. 627—640. <https://doi.org/10.1111/spol.12447>.

Gambrill E. (2006) Evidence Based Practice and Policy: Choices Ahead. *Research on Social Work Practice*. Vol. 16. No. 3. P. 338—357. <https://doi.org/10.1177/1049731505284205>.

Gray M., Plath D., Webb S. (2009) *Evidence-Based Social Work: A Critical Stance*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203876626>.

Kohout J., Šiškaa J., Beadle-Brown J., Čáslava P., Truhlářová Z. (2022) Measuring the Perceived Importance of Indicators of the Quality of Social Care Services. *Journal of Evidence-Based Social Work*. Vol. 19. No 3. P. 367—382. <https://doi.org/10.1080/26408066.2022.2045240>.

Lorenz W. A., Shaw I. (eds.) (2017) *Private Troubles or Public Issues? Challenges for Social Work Research*. Abingdon: Routledge.

Lorenz W. A., Fargion S., Nothdurfter U., Nagy A., Berger E., Rainer S., Frei S. (2020) Negotiating Quality for Social Work: A Participatory Research Project in South Tyrol. *Research on Social Work Practice*. Vol. 30. No. 5. P. 505—514. <https://doi.org/10.1177/1049731519897309>.

Moullin M. (2002) *Delivering Excellence in Health and Social Care: Quality, Excellence and Performance Measurement*. Buckingham; Philadelphia, PA: Open University Press.

Mullen E. (2014) Evidence-Based Knowledge in the Context of Social Practice. *Scandinavian Journal of Public Health*. Vol. 42. No. 13. P. 59—73. <https://doi.org/10.1177/1403494813516714>.

Munro E. (2004) The Impact of Audit in Social Work Practice. *British Journal of Social Work*. Vol. 34. No. 8. P. 1075—1095. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bch130>.

Nicolescu B. (2008) *Transdisciplinarity: Theory and Practice*. New York, NY: Hampton Press.

Šiška J., Čáslava P., Kohout J., Beadle-Brown J., Truhlářová Z., Holečková M. K. (2021) What Matters While Assessing Quality of Social Services? Stakeholders' Perspective in Czechia. *European Journal of Social Work*. Vol. 24. No. 5. P. 864—883. <https://doi.org/10.1080/13691457.2021.1934411>.

Thyer B. A. (2015) Preparing Current and Future Practitioners to Integrate Research in Real Practice Settings. *Research on Social Work Practice*. Vol. 25. No. 4. P. 463—472. <https://doi.org/10.1177/1049731514538>.

Uggerhøj L. (2011) What Is Practice Research in Social Work: Definitions, Barriers and Possibilities. *Social Work & Society*. Vol. 9. No. 1. P. 45—59.

Yoon K., Park G., Lee M. (2020) How Should the Social Service Quality Evaluation in South Korea Be Verified? Focusing on Community Care Services. *Healthcare*. Vol. 8. No. 3. <https://doi.org/10.3390/healthcare8030294>.

Ziegler H. (2019) Evidence Based Social Work. In: Kessl F., Lorenz W., Otto H.-U., White S. (eds.) *European Social Work — A Compendium*. Leverkusen: Verlag Barbara Budrich. P. 229—272.